

Т. В. Кузьмич

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ПРИЕМ В РОМАНАХ ТОНИ МОРРИСОН

В статье рассматривается интертекстуальность как прием постмодернистских текстов и ее проявления в романах американской писательницы Тони Моррисон. Статья анализирует, как интертекстуальность (неотъемлемая часть художественного мира Моррисон) проявляется в многочисленных библейских аллюзиях, которые обогащают, делают ярче психологические портреты героев романов с помощью выражения их контраста или тождественности библейским персонажам. В статье прослеживается, как Тони Моррисон дает героям имена библейских персонажей, чем отражает менталитет афроамериканского народа, который очень религиозен.

Переход от модернизма к постмодернизму ознаменовался появлением в 50-х годах 20 века «антидрамы» и «антиромана» («нового романа»), а позднее в 60-х годах – «нового нового романа» (постмодернистского). Одним из ведущих приемов постмодернистского романа становится интертекстуальность. «Под интертекстуальностью понимается выраженная с помощью различных приемов связь с другими произведениями. К числу таких приемов относятся, например, эпиграф, пародия, перифраз, цитирование, упоминание знакомых читателям сочинений других авторов, использование крылатых слов и выражений, известных из литературных образцов» [1, с. 30].

По нашему мнению, проявления интертекстуальности заметны практически в каждом произведении Тони Моррисон, одной из ведущих американских авторов второй половины XX – начала XXI веков, лауреата Нобелевской премии 1993 года. Некоторые проявления интертекстуальности очень яркие, сразу бросаются в глаза читателю, а другие скрыты от читателя при быстром прочтении романов.

В первом романе Тони Моррисон «Самые голубые глаза» присутствует огромное количество ссылок на персонажи и произведения, без знания которых просто невозможно понять суть романа. Маленькая девочка Пекола мечтает о голубых глазах, потому что со всех сторон ее окружают люди, чья красота так сильно отличается от внешности самой Пеколы. Маленький ребенок не в состоянии понять, что она красива сама по себе, потому что даже самые близкие ей люди

(например, ее мать) стремятся походить на известных белых певиц, актрис и даже девочек с фантиков от конфет, внешность которых рекламируется и пропагандируется как идеальная на каждом шагу. Вот почему в романе Тони Моррисон так много ссылок на идолов красоты того времени – Грету Гарбо и Джинджер Роджерс, Бетти Грейбл, Хеди Ламарр и Джин Харлоу (самые популярные актрисы тех лет, все светловолосые и голубоглазые), Ширли Темпл (идеал красоты белой девочки), Мэри Джейн (светловолосая и голубоглазая девочка, нарисованная на фантике от конфеты) и так далее. Среди них – ни одной чернокожей женщины, которой могла бы восхищаться Пекола, потому что чернокожие женщины не соответствуют представлению об идеальной красоте белого общества.

Образ Пеколы раскрывается еще и через связь с другим произведением – фильмом «Имитация жизни». Так, Тони Моррисон стремится подчеркнуть, что, хотя внешне Пекола далека от идеала красоты белого человека, у нее есть все его характеристики – желание достичь этого идеала и отход от афроамериканского сообщества. Важность имени Пеколы Тони Моррисон раскрывает через образ Маурин Перл, одноклассницы Пеколы, а точнее через одну из ее реплик, когда она, не расслышав имени Пеколы, переспрашивает: *«Пекола? Это не имя девушки из «Имитации жизни?»* [2, с. 57]. Имя «Пекола» не случайно напоминает имя героини этого фильма – Пеола. Ведь из-за стремления Пеколы достичь идеала красоты белых людей и отказаться от идеалов афроамериканского сообщества, ее жизнь – действительно лишь «имитация жизни», реального жизненного опыта афроамериканских женщин.

Начиная со второго романа «Сула», Тони Моррисон использует огромное количество цитат и аллюзий из Библии, что отражает, прежде всего, менталитет всего афроамериканского народа. Все афроамериканцы очень религиозны. Их приверженность к Библии и другим источникам христианской литературы всегда была их национальной чертой. Она проявляется, в первую очередь, в тех библейских именах, которые афроамериканцы давали и дают своим детям. В романе Тони Моррисон «Сула» можно проследить несколько параллелей между романом и Библией. Прежде всего, обратим внимание на параллели между самой Сулой и библейскими личностями. Так имя «Сула» связано с другими именами из Библии: Саул (анаграмма имени Сулы) и Самуил. Хотя Сула в точности не напоминает ни фигуру Саула, ни Самуила, она, как Самуил, может пророчествовать и является апокалиптическим персонажем. Вспоминая о том, что Книга Самуила в основном посвящена войне, стоит отметить, что Сула несет

в себе и мир, и войну, то есть и хорошее, и плохое. Цифра 7 как номер дома, где живет Сула, имеет важное мистическое значение и часто встречается в Библии (например, Бог сотворил все сущее на Земле за семь дней, семь таинств, семь смертных грехов и так далее).

Мать Сулы Ханна – это библейская Анна, ставшая матерью пророка Самуила. Образ бабушки Сулы Евы, конечно, имеет прямую связь с библейской Евой – первой женщиной и матерью всех живущих на земле. Она также обладает властью Адама в своем стремлении давать людям имена и также отнимает жизнь у живущих. Таким образом, некоторые аналогии с образом Сулы и других героинь романа можно найти в Ветхом Завете.

Но образ Сулы несет в себе связь и с Новым Заветом. Фамилия Сулы – Реасе – что в переводе означает «мир», связывает Сулу с Иисусом Христом, которого называют «Князь Мира». Когда Сула впервые предстает перед читателем в четвертой главе романа «1921», ее появление предваряется словами «Сула Пис жила в доме, где много комнат» [3, с. 30], что перекликается со словами Христа «*В доме Отца Моего обителей много*» (Иоанн 14:2). Но самое главное, что, как и Иисус Христос, Сула ставит под вопрос привычные моральные категории добра и зла, что отражается, например, в следующем диалоге:

– *Откуда ты знаешь?* – *спросила Сула.*

– *Знаю что?* – *Нэл все еще не хотела смотреть на нее.*

– *Кто хороший. Откуда ты знаешь, что это ты?*

– *Что ты имеешь в виду?*

– *Я имею в виду, что может быть, это была не ты. Может быть, это была я* [3, с. 146].

Родимое пятно Сулы некоторым жителям Дна напоминает розу (символ неоднократно встречается в Библии, например, роза – символ Девы Марии), а другим – голову змеи, также часто упоминаемой в Библии. Родинка Сулы выступает и как отметина Каина. Сула разделяет изоляцию Каина, его гонение и отсутствие у него чувства вины. Например, когда Нэл навещает умирающую Сулу и спрашивает ее, зачем она спала с ее мужем Джудом (аналогия с Иудой, предателем), Сула отвечает: «*Вести себя по-доброму по отношению к кому-то – все равно что поступать подло по отношению к кому-то. Рискованно. И ты ничего не получишь за это*» [3, с. 144–145].

Чтобы люди знали Каина в лицо, «*сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его*» (Бытие 4.15). Каин становится изгоем, он скитается по земле. Он бродяга, отмеченный, чтобы люди держали его в отчуждении, как велел Бог. Сула – тоже своего рода бродяга, оставляющая Дно на десять лет и блуждающая

по стране, чтобы вернуться уже взрослой. Но даже в пределах Дна Сула остается скитальцем: она просто живет день за днем, без работы, без друзей, без помощи, пока у нее ничего и никого не остается. Различие между Каином и Сулой состоит лишь в том, что Сула добровольно отдаляется от общества, что дает ей шанс распорядиться своей жизнью: приговор Бога в случае с Сулой превращается в творение ею самой себя.

Сула может быть уподоблена Каину еще и потому, что тоже совершает убийство. Но, в отличие от Каина, это убийство вызвано не ревностью, а гневом Сулы, ее обидой, нанесенной словами матери. Сула – ребенок отвергнувшей ее матери – сама начинает отвергать окружающих ее. Она, как и Каин, отказывается признать, что ей необходимо в жизни присутствие других людей. Даже умирая, она не хочет попросить прощения у Нэл, которую называют «Авелем Сулы».

Отношения между Сулой и двумя другими персонажами, важными для истолкования ее образа – Нэл и Шэдраком – также имеют библейские параллели. Шэдрак по отношению к Суле уподобляется Петру, одному из апостолов Христа. Сула и Нэл напоминают Давида и Ионафана, библейских воинов, известных своей любовью друг к другу. Вся любовь Нэл к Суле проявляется в строчках романа, когда Нэл осознает, что все время, когда она думала, что скучала по Джуду, на самом деле она скучала по Суле. Эти строчки можно уподобить строкам из Библии, где Давид плачет о погибшем Ионафане, сыне Саула: *«Скорблю о тебе, брат мой Ионафан, ты был очень дорог для меня, любовь твоя была для меня превыше любви женской»* (Вторая книга Царств, 1:26).

Итак, образ Сулы имеет связь и с Ветхим, и с Новым Заветом. Сула многогранна, ее личность включает в себя черты воинов и царей из Ветхого Завета и Христа из Нового Завета, который сам неоднократно задавал вопрос Сулы о том, откуда люди знают, кто хороший, а кто плохой.

Название романа «Песнь Соломона» связано с одной из библейских книг – «Песнь Песней Соломона», и это свидетельствует о том, что роман затрагивает многие идущие из древности, вечные темы. Библейская книга построена в форме диалога между двумя любящими людьми – Соломоном и его прекрасной возлюбленной Суламитой. Подобно этой книге, роман Тони Моррисон тоже затрагивает тему земной любви. Тони Моррисон дает многим героиням романа библейские имена, чтобы провести параллели между ними и библейскими персонажами. В результате этого многие герои романа несут на себе отпечаток не только их личной судьбы в романе, но и судьбы их библейских тезок.

Давая героям имена библейских персонажей, Тони Моррисон сравнивает их с героями, чьи судьбы выходят за рамки определенных культур и периодов времени. Большинство героинь в романе носят имена, взятые из Библии: Пилат, Хэгар, Рут, Коринфианс, Магдалена. Например, имя Хэгар связано с именем Агарь, служанки Сары, родившей сына Измаила от мужа Сары Авраама. Но родив сына, Агарь была изгнана семьей Авраама. Так и Хэгар, любовь которой сначала нравилась Молочнику, а затем надоела, была им брошена. Схожесть судеб Агарь и Хэгар говорит читателю о том, что человек, который полностью зависит от другого человека и не может или не хочет сам распоряжаться своей судьбой, может быть брошен в любое время.

Очень важно имя в интерпретации образа Пилат. Несмотря на то, что имя Пилат – это имя человека, погубившего Христа, она любит и хранит свое имя, написанное на бумаге, в сережке в виде корочки и носит ее в мочке своего уха. Пилат находит в себе достаточно мужества, чтобы принять свое имя.

Образ главной героини романа «Возлюбленная» Сэти также связан с Библией. Так, имя Сэти созвучно с именем Сиф. Сиф – третий сын Адама и Евы, ребенок, посланный Богом вместо убитого Авеля. Использование Тони Моррисон имени и образа Сифа подчеркивает власть и силу Сэти; она была создана ради свободы, человеколюбия и материнства. Но образ Сэти связан также и с образом другого сына Адама и Евы – Каином. У нее тоже есть отметина – шрам в виде дерева на спине, полученный ей в то время, когда она была в рабстве. Отметка ограничивает и изолирует Сэти, как и в случае с Сулой. Как Каин, Сэти совершает убийство – убийство своей дочери, но действует в данном случае в порыве отчаяния и страха за судьбу своих детей. Знак убийцы отделяет Сэти от общества, а точнее, она сама начинает отдаляться от него. И Сэти, и общество лишают себя возможности примирения из-за своей гордыни, и таким образом они уподобляются Каину. Но для Сэти гордыня имеет более тяжелые последствия – она совсем одна.

Важно также и то, что Сэти отдаляется не только от окружающих ее людей, но и от самой себя как женщины, начиная воспринимать себя лишь как мать. Ее любовь к детям, как любовь Каина к Богу, настолько сильна, что доходит до крайности – она перестает отделять себя от своих детей, воспринимает их как часть себя и, убивая их, не осознает, что убивает не себя, а совершенно другого человека, хотя еще и совсем маленького.

Таким образом, на Каина Сэти делает похожим неспособность осознать истинное значение своего поступка и оплакать своего ребенка.

Ее проклятие Каина – вины и одиночества – разрушено, когда Сэти находит в себе силы испытывать скорбь по своему ребенку. И в этот момент она перестает жить своим прошлым. То есть Сэти перестает быть Каином и уподобляется египетскому богу Сету, а также сыну Адама и Евы Сифу. Сет был одним из богов Египта, чья кровь после смерти была рассеяна по полям, и это обеспечивало ежегодное возрождение мира весной. А Сиф, как известно, продолжил род Адама и Евы и стал, таким образом, отцом человечества. Сравнением Сэти с такими библейскими личностями Тони Моррисон показывает перерождение Сэти, ее обновление, изменение ее судьбы и нахождение своего места в мире.

Таким образом, текст Тони Моррисон, обрастая цитатами, превращается в интертекст, и без понимания интертекстуальности романов невозможно правильно интерпретировать замысел автора в раскрытии образов героинь. Особенно ярко интертекстуальность романов Тони Моррисон проявляется в огромном количестве библейских ссылок, без интерпретации которых образы героинь будут не полными, более блеклыми, а иногда и вовсе непонятными читателем.

Литература

1. Фесенко, Э. Я. Теория литературы: учеб. пособие / Э. Я. Фесенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 336 с.
2. Morrison, T. The Bluest Eye / T. Morrison. – New York: Vintage, 1999. – 172 p.
3. Morrison, T. Sula / T. Morrison. – New York: Plume Book, 1987. – 174 p.

УДК 821.111(73)-31*Э. Уокер

Н. В. Насон

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАННОЙ ПРОЗЕ ЭЛИС УОКЕР

В данной статье рассматриваются женские образы, встречающиеся в произведениях Элис Уокер. Отмечается обращение писательницы к теме материнства и создание персонажей, являющихся собирательным воплощением традиционных материнских черт. С учетом разнообразных приемов, используемых писательницей для характеристики женских образов, на примере четырех романов